

О друге и учителе математике Хинчине, его научных открытиях, поэтических увлечениях и коллегах по Московской математической школе

<http://oralhistory.ru/talks/orh-561>

🎤 19 июня 1976

Собеседник

Гнеденко Борис Владимирович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 19 июня 1976 и опубликована 25 мая 2016.

Введение

Первая из пяти бесед, записанных с выдающимся математиком Борисом Гнеденко, полностью посвящена его другу и наставнику Александру Хинчину (1894—1959), одному из самых ярких и талантливых представителей Московской математической школы. Гнеденко подробно рассказывает о разных сторонах личности Хинчина: поэтическом опыте, который отметил Блок, педагогическом таланте, благодаря которому его доклады ученики запоминали на всю жизнь, и математических успехах — вкладе в теорию вероятностей и теорию массового обслуживания. Отдельно Борис Гнеденко рассказывает о встречах Хинчина с Маяковским, отношении Хинчина к творчеству Лермонтова и Пушкина, и о спектаклях Мейерхольда. Математик почти не касается истории своего прихода в науку, лишь намечая то, что подробнее будет раскрыто в следующих беседах.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Так, прошу вас, Борис Владимирович. Значит, вы немножко расскажите о себе, а потом рассказывайте о своих учителях — как вам удобнее. Может быть, когда вы придете к студенческим годам, сразу начать об учителях — это как вам лучше, или, может, вы просто тоном справки выделите ваш *curriculum vitae*, а потом — по отдельным людям, это как вам удобнее. Пожалуйста, прошу вас.

Борис Владимирович Гнеденко: Я родился в семье землемера в городе Ульяновске.

В.Д.: Ульяновск — это...

Б.Г.: Это Симбирск бывший.

В.Д.: Симбирск.

Б.Г.: Отец всегда был увлечен математикой и нам, мне и моему брату старшему, прививал интерес и любовь к математике.

В.Д.: Простите, на минуточку прерву — спрошу. Ульяновск все-таки город небольшой. Не знали ли вы семью одного из моих клиентов — архитектора Симбирцева*?

* В.Д. Дувакин записал две беседы с архитектором Василием Николаевичем Симбирцевым (1901–1982), одним из авторов (наряду с К.С. Алабяном) здания Театра Советской (ныне Российской) армии, автором проекта послевоенного восстановления Волгограда (Сталинграда), – в июне 1973 и мае 1974 гг.

Б.Г.: Нет.

В.Д.: Как раз Симбирск, вот.

Б.Г.: Нет, не знал, и родители ничего не говорили об этом.

В.Д.: Продолжайте.

Б.Г.: Однако первые школьные годы математика для меня представляла большое мучение, я никак не мог запомнить таблицу умножения, и только потом, когда в математике потребовалось не запоминать, а рассуждать, я получил интерес и увлечение к математическим занятиям. Кончал школу я уже в Саратове, куда переехали родители, для того чтобы восстановить здоровье отца.

В.Д.: Он болел, да?

Б.Г.: У него была малярия, и врачи ему посоветовали сменить климат.

В.Д.: Разве переезд из Ульяновска — это перемена климата?

Б.Г.: Вот, представьте себе, все-таки оказалась перемена: сухой воздух — оказалось гораздо лучше, чем средняя полоса.

В тысяча девятьсот двадцать седьмом году я поступил в университет саратовский, через три года его закончил, начал работать ассистентом только что образованного Текстильного института в Иваново-Вознесенске. Иваново-Вознесенск был полон воспоминаниями о выдающихся профессорах того времени — о Хинчине, Лузине, которые ряд лет работали в Иваново-Вознесенске.

В.Д.: Лузин тоже работал?

Б.Г.: Тоже работал. Особенно много было разговоров о Хинчине, забавных рассказов о нем, об его лекциях, причем он любил читать публичные лекции не столько по математике, сколько по философии и психологии.

В.Д.: Даже.

Московская школа теории вероятностей

Б.Г.: Лекции его пользовались огромным успехом. И, когда в тридцать четвертом году я приехал в Московский университет на стажировку кратковременную, я как раз встретился с Хинчиным*, поскольку мои интересы научные лежали как раз в области теории вероятностей, чем он в ту пору занимался. После этой стажировки я решил, что то, чем занимается вероятностная группа в Москве, меня вполне устраивает, что именно эти вопросы мне нужно решать и для теоретических, и для прикладных целей.

* Александр Яковлевич Хинчин (1894—1959) — математик, один из основателей современной теории вероятностей и яркий представитель Московской математической школы.

Осенью я вернулся в Москву, сдавал экзамены в аспирантуру.

В.Д.: Откуда вернулись?

Б.Г.: Из Иваново-Вознесенска.

Борис Владимирович Гнеденко. Середина 1940-х

В.Д.: Ах, вы все-таки уезжали.

Б.Г.: Конечно, да.

Сдал, поступил, и Хинчин согласился меня взять в свои ученики. Так начались мои замечательные годы работы вместе с Хинчиным, сначала в качестве ученика, а затем и доброго товарища.

В.Д.: Ученика — то есть аспиранта?

Б.Г.: Аспиранта.

В.Д.: У которого руководитель был профессор Хинчин, так. Он сам уже был в это время профессор?

Б.Г.: Он был профессором, да.

Особенно нас сблизило время тридцать седьмого — тридцать восьмого годов, когда я подхватил некоторые идеи Хинчина и продвинул их решение в классической области теории вероятностей — в теории суммирования случайных величин. Должен вам сказать, что это была пора расцвета исследований в области теории вероятностей в Московском университете. Московская школа теории вероятностей, тогда еще немногочисленная, заявила о своем существовании очень и очень громко. Первые работы принадлежали как раз Хинчину. Они относились к тысяча девятьсот двадцать второму — двадцать третьему годам, когда ему удалось обнаружить замечательную закономерность, получившую название закона повторного логарифма. Затем он увлекся классическими задачами разыскания предельных теорем теории вероятностей, здесь начались его долгие связи с французским математиком Полем Леви*.

В.Д.: Учеником Пуанкаре, нет?

Б.Г.: Да нет, Поль Леви, по-видимому, был учеником Мориса Фреше.

* Поль Леви (1886 — 1971) – французский математик, автор трудов по теории вероятностей, теории функций, функциональному анализу, механике. Был учеником Жака Адамара. Основатель общих предельных теорем (каноническое представление Леви — Хинчина) и теории случайных процессов в теории вероятностей

Постоянная переписка с Полем Леви, обмен проблемами возникавшими — и это продолжалось до конца дней Хинчина, до пятьдесят девятого года.

В.Д.: Значит, подробней, как можно полнее расскажите все о Хинчине. Так вы собираетесь?

Б.Г.: Да, так.

В.Д.: Значит, в пятьдесят девятом году умер, и я его записать уже никак не мог, и вместе с тем это прямой мой объект.

Александр Яковлевич Хинчин

Б.Г.: Хинчин был учеником Лузина*. Это первый призыв лузинских учеников — пятнадцатый, шестнадцатый, семнадцатый годы, — когда Лузин, после возвращения из Франции, сумел увлечь идеями новой, только что зарождавшейся математической дисциплины, теорией функций действительного переменного, большую группу математической молодежи. И вот среди первых учеников Лузина в первую очередь нужно назвать Хинчина, Александрова Павла Сергеевича и Дмитрия Евгеньевича Меньшова.

* Николай Николаевич Лузин (1883—1950) — математик, создатель Московской математической школы. Так или иначе о нем рассказывают все математики, собеседники Дувакина. Их воспоминания собраны в специальном проекте, посвященном Московской математической школе — <http://oralhistory.ru/projects/mathematics>

В.Д.: Двух последних я записывал*.

* Беседа с П.А. Александровым (1896—1982) была записана 6 апреля 1971 года. Он же одним из первых среди ученых МГУ согласился на запись, и позже помогал Дувакину в выборе собеседников. Беседа доступна по ссылке <http://oralhistory.ru/talks/orh-178-179>

Б.Г.: Да, думаю, что стоит записать... Меньшова* вы тоже записывали?

В.Д.: Записывал, в крошечной каморочке, из которой он не хочет уезжать.

Б.Г.: Не хочет уезжать. В Боженинском переулке.

В.Д.: Да-да-да, я там был.

* Дмитрий Евгеньевич Меньшов (1892—1988) — математик, участник Лузинской школы. Автор ряда фундаментальных результатов и трудов в области тригонометрических рядов.

Б.Г.: Да. Хинчин очень скоро расширил свои интересы и занялся так называемыми метрическими

задачами теории чисел, когда закономерности теоретико-числовые он искал не для всех чисел, а для почти всех чисел. Им были открыты многие замечательные закономерности в этом плане. Затем оказалось, что теоретико-числовые закономерности, метрические закономерности, тесно связаны с теоретико-вероятностными задачами. И вот первая задача, о которой я уже упомянул, закон повторного логарифма, первоначально формулировалась Хинчиным как задача теории чисел, и только позднее он нашел, что это дополнительная глубокая закономерность, которой подчиняется так называемая схема Бернулли, жившая к тому времени уже свыше двух столетий.

Далее, в двадцать пятом году, к Хинчину присоединился молодой, полный энергии и идей математик Колмогоров.

В.Д.: Простите, вы упомянули Павла Сергеевича [Александрова] раньше — так? — вместе с Хинчиным.

Б.Г.: Да.

В.Д.: Значит, Павел Сергеевич тоже, так сказать, ученик Лузина?

Б.Г.: Да, Павел Сергеевич — ученик Лузина, и, по-моему, первую свою работу он посвящал своему учителю.

В.Д.: Его же специальность не вероятности, а топология.

Б.Г.: Топология. Но он начинал по теории множеств работать, первая его работа касалась меры всех борелевских множеств, мощности всех борелевских множеств, и здесь очень интересные результаты принадлежали Павлу Сергеевичу. А топологией он занялся уже позднее, в результате совместных дружеских бесед, разговоров и интересов с Павлом Самуиловичем Урысоном*.

* Павел Урысон (1898—1924) — математик, участник Лузинской школы, близкий друг и коллега Александрова, вместе с которым основал советскую топологическую школу.

В.Д.: Он упоминал его.

Б.Г.: И вот они вместе разрабатывали топологические идеи, а затем уже Павел Сергеевич, после смерти Урысона, единолично возглавил московскую топологическую школу.

Затем, среди учеников Хинчина в области теории вероятностей нужно назвать Николая Васильевича Смирнова* — человека в высшей степени обаятельного, глубокого математика, очень интересного человека. И ко времени моего приезда еще работал в области теории вероятностей, помимо трех названных лиц, Валерий Иванович Гливенко**, очень рано скончавшийся.

* Николай Васильевич Смирнов (1900—1966) — математик, один из создателей непараметрических методов математической статистики и теории предельных распределений порядковых статистик. Научные интересы лежали в области математической статистики и теории вероятностей, внес большой вклад в современную вычислительную математику.

** Валерий Иванович Гливенко (1896/1897—1940) — математик. Основные труды посвящены основам математики — теории функций действительного переменного, теории вероятностей и математической статистике.

В.Д.: Это что — брат Ивана Ивановича Гливенко?

Б.Г.: Да-да-да-да-да.

В.Д.: Специалиста по западноевропейской литературе.

Б.Г.: Да.

В.Д.: Бывшего декана факультета нашего, да?

Б.Г.: Да. Отец Гливенко был специалистом итальянского языка.

В.Д.: Так вот я, наверно, его-то и знал.

Б.Г.: Возможно.

В.Д.: Иван Иванович. А тот — как вы сказали? Валерий Иванович.

Б.Г.: Валерий Иванович.

В.Д.: Нет, Ивана Ивановича Гливенко я знал.

Б.Г.: Валерий Иванович скончался в тридцать девятом году, ему не было еще сорока лет от роду.

В.Д.: А, ну да, конечно, не тот. А Иван Иванович был уже старый человек, и был деканом этнологического факультета, потом — литфака.

Б.Г.: Вот. По-видимому, вы знали отца.

В.Д.: Да, и именно он был специалистом по западной литературе, преимущественно — по Италии, у нас он читал спецкурс о Данте.

Б.Г.: Совершенно точно, тогда это отец*.

И еще в этой группе теоретико-вероятностной работал человек изумительной судьбы, очень широких интересов — Евгений Евгеньевич Слуцкий**. Евгений Евгеньевич Слуцкий пришел к теории вероятностей совсем с других позиций — с позиций экономики. Приехал он в Москву из Киева.

* Иван Иванович Гливенко (1868–1931) – специалист в области истории и теории литературы. Профессор кафедры теории и методологии литературы факультета общественных наук (1921–1925). Профессор кафедры западной литературы этнологического факультета, действительный член НИИ языковедения и истории литературы при факультете общественных наук.

** Евгений Евгеньевич Слуцкий (1880—1948) – математик и экономист. Один из создателей современной теории случайных функций (распределений в функциональных пространствах).

” И нужно сказать, что постоянно бывали научные конфликты у Колмогорова, Хинчина, с одной стороны, и Евгения Евгеньевича Слуцкого — с другой. Эти конфликты носили чисто научный характер и ни в коем случае никак не сказывались на общем взаимном доброжелательстве и глубоком уважении друг к другу.

Вот в такую обстановку увлеченности наукой, постоянного рождения научных идей я и попал.

В.Д.: Удачно.

Б.Г.: Очень удачно попал.

В.Д.: Это вот какой год был?

Б.Г.: Это был тридцать четвертый год. Аспирантов тогда было совсем мало. Вот осенью тридцать четвертого года, мне помнится, нас было принято, всех математиков, пять или шесть человек.

В.Д.: В аспирантуру.

Б.Г.: В аспирантуру. Мы имели довольно напряженные учебные программы. Мне нужно было сдавать только по математике пять экзаменов, сдавать пять зачетов, причем экзамены и зачеты выбирались из самых разнообразных областей математики: алгебра, функциональный анализ, теория функций, тензорная геометрия, теоретико-вероятностные работы; также входили сюда статистическая физика и многое-многое другое. Все это в конце концов пригодилось, но сдавать экзаменов пришлось порядочно.

Очень большое впечатление на меня произвел научный семинар кафедры. Этот научный семинар занимался не только теорией вероятностей, не только чисто математическими проблемами — на этот семинар приходили и активно участвовали многие биологи и физики. Ну, из биологов я назову

Серебровского*, из физиков — Леонтовича**. Приходили на этот семинар с докладами, за консультациями также инженеры.

* Александр Сергеевич Серебровский (1892—1948) — генетик, заведующий основанной им кафедрой генетики на биологическом факультете МГУ.

** Михаил Александрович Леонтович (1903—1981) — физик, крупнейший специалист в физике плазмы и радиофизике, создатель научной школы.

В.Д.: Леонтович разве вашего поколения, а не старше?

Б.Г.: Нет, он старше меня, он поколения Колмогорова.

В.Д.: Третий примерно год.

Б.Г.: Да, примерно третий год. В ту пору Леонтович уже был профессором, известным физиком, но поскольку это была эпоха, когда только-только появилась теория случайных процессов, развитая в работах, с одной стороны, Колмогорова (теория так называемых марковских процессов), а с другой стороны — Хинчина (теория стационарных процессов), и поскольку эта теория была очень близка интересам физиков, то естественно, что Леонтович принимал самое живое участие в работах этого семинара. И биологам тоже эта проблематика была близка, потому что проблемы эволюции, проблемы развития популяций — это как раз один из аспектов, одна из интерпретаций теории случайных процессов.

А.Я. Хинчин как лектор

Хинчин был блестящим лектором. Он читал лекции без внешних эффектов, всегда спокойно. Как будто бы он не повышал голоса, не форсировал голос никогда, но его всегда было хорошо слышно во всех углах аудитории. Он старался донести до слушателя не техническую сторону доказательства, а идею доказательства. Он хотел, чтобы каждый слушатель понял смысл того, что он рассказывает, и идейную красоту того, что он рассказывает, и это ему всегда удавалось. Я не помню ни одного случая, когда он бы не мог донести до слушателей то, что он хотел.

Мастерство рассказа он не терял и во время докладов на Московском математическом обществе. После его докладов уходили слушатели в таком состоянии, словно они присутствовали при открытии новых для себя вещей, причем таких вещей, которые близки их душе, близки их сердцу. Никогда ни один доклад не воспринимали слушатели как что-то, что можно выслушать одним ухом и выпустить из другого уха. Это запоминалось надолго, каждый доклад был как бы большим праздником. Мне приходилось встречаться с учениками Хинчина, не близкими его учениками, а только теми, кто слушал его лекции на первом, на втором курсах, и спустя десятки лет они вспоминали лекции Хинчина как то самое большое, с чем им пришлось соприкоснуться в университете.

Хинчин никогда не искал слов, они у него лились плавно, без перерыва. Ему не приходилось никогда мычать, что, к сожалению, довольно часто случается у лекторов. Он принципиально считал невозможным на лекции употреблять неизвестные слушателям слова.

” Каждое новое слово, которое он употреблял, он считал долгом пояснить, потому что, по его убеждению, отдельное непонятое слово может явиться препятствием, барьером для понимания всего остального. Каждая мелочь важна, потому что люди в университет приходят учиться, а для того чтобы научиться, нужно понимать — не запоминать, а понимать.

И вот эти его методические установки не оставляли его до конца его дней.

Я выслушал небольшое число курсов, прочитанных Хинчиным: курс статистической механики, которой он занимался очень усиленно, курс его специальный «Предельные теоремы теории вероятностей», его курс «Цепные дроби». И после каждого прочитанного специального курса он писал книжку, небольшую, сто — сто пятьдесят страниц, в которой он излагал то, что было прочитано слушателям. Он был мастером и печатного слова: каждое слово стояло на месте и выполняло свою функцию, ни одного лишнего слова ни в устной, ни в письменной речи.

Особенно сильное впечатление на меня произвел его курс предельных законов теории вероятностей. Может быть, это потому, что задолго до того, как я начал слушать курс Хинчина, я читал сам много работ в этой области и был неплохо подготовлен. В связи с этим курсом у меня у самого возникли новые задачи — задачи как бы обратные тем, которые решал Хинчин, и решение этих обратных задач послужило для меня источником для моей докторской диссертации. Причем, как это часто бывает в науке, решив эти обратные задачи, мне удалось включить в качестве частных следствий огромное количество ранее полученных результатов, в том числе и основные результаты самого Хинчина. Сам Хинчин всегда высоко ценил каждую идею, каждый шаг своих учеников, и успех ученика для него был как бы личным успехом.

В тридцать седьмом году Хинчин меня пригласил к нему на дачу. Он любил Тарусу. Таруса была тогда окружена огромными лесами. Таруса славилась как грибное место, а Хинчин был страстным грибником. Я тоже был неплохим грибником, тоже любил собирать грибы.

 И вот часто мы отпраплялись утром на сбор грибов и за сбором грибов вели беседы насчет математических проблем. Именно тут родилось решение ряда задач по арифметике безгранично делимых распределений у Хинчина.

Именно здесь возникла одна из задач хинчиновских, которой я занялся позднее и дал не то решение, которое предполагал Хинчин, а прямо противоположное тому, что он ожидал. Тогда из построенного мной примера Хинчин сделал вывод о неоднозначности деления характеристических функций.

Тридцать седьмой — тридцать восьмой год у меня прошли в армии, где я проходил действительную службу.

В.Д.: Получили офицерский чин, нет?

Б.Г.: Да, все это у меня есть. В тридцать восьмом году я вернулся (после годичной службы в армии) в университет, вскоре получил доцентское звание и стал работать доцентом Московского университета. В тридцать девятом году я оформлял результаты, полученные перед армией, во время армейской службы, после армейской службы, и в сороковом году представил эти результаты в качестве своей докторской диссертации. Туда вошли, помимо предельных теорем для сумм, также предельные теоремы для максимального члена вариационного ряда. Защитил диссертацию я буквально накануне войны, где-то в конце мая.

В.Д.: А война началась двадцать второго июня.

Б.Г.: Двадцать второго июня.

В это время Хинчин был не очень хорошо здоров. Оппонентами выступали как раз Хинчин, Бернштейн и Колмогоров у меня. После защиты, к сожалению, Хинчин заболел, тяжело заболел, и несколько месяцев он находился в постели. Тогда я с ним встречался не столько для научных разговоров, не столько для разговоров о литературе, которую он знал превосходно, но главным образом для того, чтобы помочь его жене в его излечении.

В.Д.: Если по поводу его дальше будет... а если нет, то займитесь им сейчас: вы сказали, что Хинчин хорошо знал и любил литературу, — может, вы что-то скажете об его литературных вкусах?

Б.Г.: Немножко погода я собирался это сказать.

В.Д.: Хорошо, как вам удобно, не обязательно сейчас.

Б.Г.: В сорок первом году, когда началась эвакуация, он выехал вместе с Академией наук в Казань, и, как это ни странно, суровая военная обстановка и неустроенность житейская подняли его на ноги. Он вновь получил возможность работать, и именно в это время им были сделаны превосходные результаты по статистической механике — классической и квантовой.

Здесь у нас перерыв во встречах с ними был, с Хинчиными, на целых два года. Вернулся из эвакуации Хинчин только в сорок третьем году. Вновь возобновились наши встречи, беседы, мы нередко бывали семьями на концертах в консерватории. Тут я получил в подарок совершенно неожиданный для меня сборник стихов — сборник стихов Хинчина...

В.Д.: Ах, вот даже...

Б.Г.: ...изданных перед войной.

В.Д.: Изданных?

Б.Г.: Изданных. Перед Первой империалистической войной* это его юношеские стихи. Эти стихи — явное подражание Бальмонту и Блоку. У Хинчина было письмо от Блока, где Блок высоко оценил его стихи, но советовал ему найти свой путь**. Хинчин очень строго относился к своим поэтическим произведениям. Оказалось, что у него не одна, а четыре книжки стихов были изданы***; теперь они у меня все имеются.

* Так в СССР называли Первую мировую войну

** Это письмо А.А. Блока осталось неопубликованным и потому неизвестным читательской публике; где оно находится в настоящее время (если сохранилось) — выяснить, к сожалению, не удалось.

*** Сборники А.Я. Хинчина «Стихотворения» (1910), «Пленения» (1912), «О деве с тайной в светлом взоре» (1914), «Слова, которым нет прощения» (1915) были напечатаны в Губернской типографии Калуги; каждый из них имел тираж несколько десятков экземпляров.

В.Д.: Никогда мне не попадались.

Б.Г.: Да.

В.Д.: Это, значит, до войны вот изданы?

Б.Г.: До Первой империалистической войны.

В.Д.: Значит, в одиннадцатом — двенадцатом году.

Б.Г.: Да, двенадцатый — тринадцатый — четырнадцатый годы. После он уже если и занимался стихотворными опытами, то только время от времени, если писал эпиграммы.

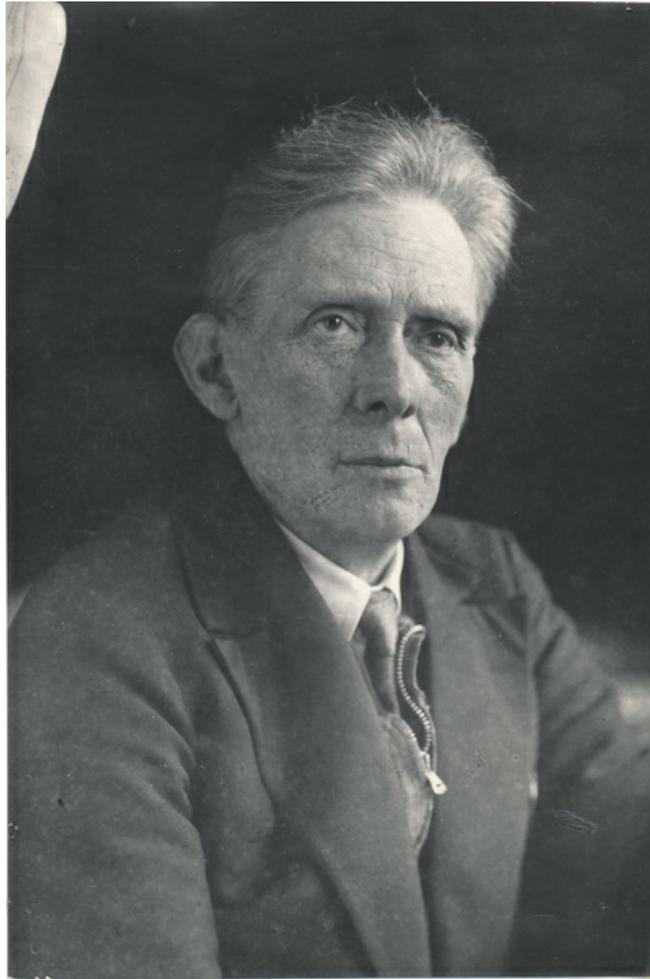
 Я считаю, что такие увлечения поэтические для математика исключительно ценны, потому что это позволяет очень четко формулировать мысль.

В.Д.: Помогает.

Б.Г.: Помогает, безусловно. И позволяет мысль облечь в такую форму, которая доходит до людей: до слушателей, до читателей — особенно хорошо. Поэтому вся вот дискуссия, на мой взгляд, надуманная, «физики и лирики», не имеет под собой никаких оснований. Нет противоположности между физикой и лирикой. Лирика должна помогать (и действительно помогает) и математикам, и физикам, точно так же как точные науки способны помочь и должны помогать лирикам, писателям.

В сорок третьем году Хинчин в качестве одного из организаторов новой Академии наук, педагогической

Академии наук, был избран, даже скорее назначен, первым ее действительным членом и вошел в президиум этой вновь организованной Академии. Тогда же он меня пригласил туда для работы.

Александр Яковлевич Хинчин

В.Д.: Его год рождения — девяносто четыре?

Б.Г.: Девяносто четвертый.

В.Д.: Значит, ему было уже пятьдесят лет.

Б.Г.: Да. И я по сорок пятый год работал в Институте методов обучения. Причем меня увлекли две проблемы: проблемы, связанные с учебником, каким должен быть учебник, и второе — место истории науки в школьном обучении. Я тогда, сначала в качестве отчета, написал брошюрку для учителя «Беседы по истории математики на уроках математики», а затем расширил эту брошюрку и написал книгу «Очерки по истории математики в России». Тогда же мы вместе с Хинчиным написали «Элементарное введение в теорию вероятностей». Оно было предназначено для тех молодых людей, кто сразу после окончания школы попал на фронт. Мы были увлечены этой задачей написания книжки, и книжка, по-видимому, удалась, потому что и у нас она выдержала восемь изданий, десять изданий — в ГДР, по многу изданий в Японии, Франции, Польше, Румынии, Венгрии, Соединенных Штатах, Аргентине, Испании и многих других странах было.

Хинчин как-то очень тепло и по-отечески относился к каждому из моих начинаний, в частности, к тому, что я решил написать учебник «Теория вероятностей». Хотя мое глубокое убеждение, что эту задачу нужно

было выполнять именно ему, потому что, при его умении писать, при его умении очень четко и кратко формулировать мысли, учебник получился бы замечательным у него, но он так и не собрался это сделать. Я ему благодарен за ряд советов, которые он давал, читая некоторые главы книги моей, в рукописи еще. Сам же он в эту пору был увлечен другой задачей: он написал исключительно интересную книжку «Восемь лекций по математическому анализу». Эта книга пользовалась огромным успехом и среди математиков, и среди инженеров, и среди читателей, очень далеких от математических интересов, потому что Хинчину удалось в этой книжке вскрыть душу основного математического предмета — математического анализа. Мне порой кажется, что книжки такого же типа было бы хорошо написать и по ряду других математических дисциплин, где внимание было бы обращено на суть предмета, на его связи с другими задачами, а не на чисто формальную сторону доказательств, где доказательства играли бы вспомогательную, очень важную, но не центральную роль, а где вскрывалось бы происхождение понятий, их значение, чем вызвана некоторая формализация, совершенно неизбежная в математике, и почему эти понятия возникли в науке, а не какие-либо другие.

В сорок седьмом году... нет, раньше... в сорок пятом году я был избран в Украинскую Академию, переехал сначала в Киев, потом — во Львов, и естественно, что это очень ограничивало мои встречи с Хинчиным. Но каждый раз, когда я бывал в Москве, естественно, в первую очередь я заходил к нему. Он постоянно делился со мной начинаниями своими, своими идеями, своими увлечениями научными как в области теории чисел, так и в области статистической физики и теории вероятностей. В свою очередь, и я делился с ним своими результатами, в частности, результатами, касавшимися локальных предельных теорем теории вероятностей. Те теоремы, которые мне удалось доказать, те примеры, которые удалось рассмотреть, были интересны и для Хинчина, потому что в эту пору он занимался квантовой статистической механикой, и оказалось, что эти локальные теоремы, доказанные мной, явились как раз основным аппаратом, которым работал Хинчин в квантовой механике. Только ему мои теоремы пришлось уточнить и не только главный член выделить, но и оценить быстроту сходимости.

Теория массового обслуживания

Хинчин продолжал свои лекции до пятьдесят седьмого года. Одна из последних его книг относилась к теории массового обслуживания. Это ветвь прикладной теории вероятностей, в которой он сделал очень серьезный шаг в связи с решением вопросов, предложенных ему специалистами телефонного дела, специалистами по телефонной связи. Эти задачи он начал решать еще в тридцать втором году, когда, будучи депутатом Моссовета, он начал работать в секции научных разработок, и вот в этой секции телефонисты поставили ряд серьезных вопросов, связанных с тем, что в Москве в ту пору переходили от ручной телефонной связи к автоматической телефонной связи. Должны были строиться...

В.Д.: ...АТС.

Б.Г.: ...АТС, и вот в расчете АТС Хинчин принял непосредственное участие, по просьбе телефонистов. Потом мне телефонисты рассказывали, что именно эти занятия Хинчина позволили резко сократить необходимые закупки оборудования за пределами Советского Союза. Они мне называли цифру в два миллиона золотых рублей, которые теоретические исследования Хинчина сэкономили в ту пору для страны.

В теоретическом плане эти результаты привели к очень серьезным и значительным результатам. Формулы Хинчина вошли в современную науку, используются для прикладных расчетов и в теории массового обслуживания широко. Да и сам термин, который вошел сейчас в употребление в нашей стране и за пределами нашей страны — «теория массового обслуживания», — также принадлежит Хинчину. Вначале эта область исследований называлась различными способами. Встречались названия «теория скученности», «теория очередей», «теория линий ожидания», которые встречались у американских, английских, французских авторов. Хинчин в беседах со мной говорил, что каждое из этих названий, укоренившихся в разных странах, его не устраивает, потому что каждое из этих названий фиксирует внимание на одной частной задаче общей теории, общая же теория занята обслуживанием клиентов,

общая теория направлена на разработку методов решения всех проблем, которые могут встретиться не только в телефонных задачах, но и в ряде других задач (скажем, связанных с работой магазинов, касс, турникетов в метро и так далее); что в этих задачах приходится иметь дело не только с очередями, но и приходится иметь дело с таким обслуживанием, где нет очередей, но есть потери требований. И тогда-то вот, в пятьдесят пятом году, когда писал свою монографию очередную, он и ввел этот термин «теория массового обслуживания», как раз монография по теории массового обслуживания писалась в ту пору.

У Хинчина не было монографий, в которых не было бы его личного научного вклада. Каждая из его книг полна и его литературного таланта, и его математических результатов — очень свежих, живых и в отношении новых методов, и в отношении формулировок результатов. Его книга по теории массового обслуживания для многих явилась буквально откровением. Она получила колоссальнейший отклик как в среде математиков, так, особенно, в среде прикладных исследователей. Книга появилась в надлежащий момент, потому что именно в эту пору методы теории массового обслуживания стали находить применение не только в теории телефонной связи, но и в ряде других отраслей знания: в ядерной физике, на транспорте, в экономике, в здравоохранении, при исследовании уличного движения и регулировке уличного движения и многих-многих других отраслях прикладных исследований. Правда, сам Хинчин другими областями приложений не владел. Он прилично знал задачи телефонной связи, другие же вопросы, скажем, обороны или же транспорта, ему были далеки, и естественно, что сама монография так и была написана в терминах теории связи.

В самые последние годы, помимо этой книги, он еще занимался совсем молодой в ту пору наукой — теорией информации. Он написал две фундаментальных статьи в этом направлении, которые позднее были переведены на другие языки. К сожалению, последние два года, как я говорил, он не только не преподавал, но и практически перестал научно работать.

В.Д.: Почему?

Б.Г.: Все-таки он очень сильно страдал.

В.Д.: Болел.

Б.Г.: Да, были боли сильные, а врачи отказывались верить ему в эти боли, не находили.

В.Д.: А он что — рак у него был?

Б.Г.: Нет, у него была язва желудка.

В.Д.: Но он думал, что рак?

Б.Г.: Он сам считал, что это рак у него, и отказывался провести серьезное обследование, с тем чтобы психологически не потерять себя, по-видимому. Мне трудно сказать, чем это было вызвано.

В.Д.: А от чего же его лечили?

Б.Г.: Лечили его от многих вещей, в том числе считалось, что у него с психикой не все в порядке, что это чисто психические заскоки относительно болей, на которые он жаловался, что на самом деле этих болей у него быть не должно, но вскрытие уже после смерти показало, что на самом деле он был прав.

В.Д.: Что у него боли были от чего?

Б.Г.: От язвы желудка.

Вместе с Хинчиным закончился большой период в жизни математической московской школы, когда один из первых представителей этой школы ушел из жизни, сделав для развития науки исключительно много. Хинчин вошел в историю нашей культуры не только как математик, но и как очень крупный педагог, как исключительный лектор, как человек, умевший найти путь к сердцам слушателей. Он не оставлял равнодушными ни одного из тех, кто присутствовал на его лекциях, и тот, кто хотя бы раз его слышал,

не решался пропустить хотя бы одну его лекцию. Он был в то же время замечательным чтецом.

Хинчин — чтец и педагог

В.Д.: Чтецом?

Б.Г.: Чтецом, да.

В.Д.: Чего — стихов?

Б.Г.: При мне он старался стихи не читать, но он работал в Академии педагогических наук...

В.Д.: Чтецом текста?

Б.Г.: Текста, да.

В.Д.: Текста. В том числе и художественного?

Б.Г.: В том числе и художественного. Но он художественно читал и научные тексты. Я вспоминаю введенное им в Институте методов... нет, это институт... еще перед войной...

В.Д.: Институт методов школьной работы...

Б.Г.: Школьной.

В.Д.: ...и Институт методов внешкольной работы.

Б.Г.: Нет-нет, это был даже не институт, это был сектор педагогических исследований при Наркомпросе (я сейчас точно не помню)... Или Институт школ уже был в ту пору, может быть. Он заведовал там сектором математики. И он ввел правило, чтобы те, кто напишет статью, зачитывали бы эту статью на общем собрании сектора. И вот дважды я был на заседаниях этого сектора, когда сам Хинчин читал свои статьи. Большая его статья об основных понятиях математики, которая составила впоследствии содержание брошюры, — он читал ее. Это было по-настоящему художественное произведение. Во-первых, сама статья была очень интересно написана, а во-вторых, прочитана она была так, что невозможно было упустить хотя бы одну мысль, которую он там высказывал. Дальше я присутствовал на чтении также статьи, но это уже было на большом собрании в Министерстве просвещения РСФСР...

В.Д.: Уже министерство.

Б.Г.: ...уже в Министерстве просвещения, после войны непосредственно, в сорок пятом году, мне помнится, где он разрабатывал такую тему: «О формализме в преподавании математики».

В.Д.: Ага.

Б.Г.: Очень глубокая статья, очень интересная статья была написана.

В.Д.: А кто были слушатели?

Б.Г.: Слушатели были преподаватели и работники Министерства просвещения. Я помню, что тогда человек двести пятьдесят присутствовало на этом чтении.

Он часто жаловался, что он не любит, когда записывают...

В.Д.: ...лекции...

Б.Г.: ...стенограммы править, потому что ни одна стенограмма не способна передать то, что хочется.

В.Д.: Вот для того я и записываю на магнитофон.

Б.Г.: Да. Что стенограмма зачастую даже...

В.Д.: Мертвая.

Б.Г.: Мертвая, да. Она искажает часто смысл.

В.Д.: Убивает интонацию.

Б.Г.: Убивает интонацию, все это уходит.

В.Д.: Нарушает синтаксис постоянно.

Б.Г.: Да, да. Он всегда утверждал, что устная речь — это не письменная речь, это две совершенно разные речи.

В.Д.: Правильно, правильно. Это литературоведческая мысль.

Б.Г.: Да. И стенограмма, которая воспроизводит устную речь, воспроизводит ее со всеми неправильностями, и, если неправильности при устном звучании производят впечатление — одно, а когда их зачитываешь...

В.Д.: ...являются шлаком.

Б.Г.: Являются шлаком, вот.

В.Д.: Простите, может быть, теперь вы и скажете о его литературных взглядах, пристрастиях, вкусах и так далее?

Б.Г.: Нет, я уже педагогические вопросы хочу.

В.Д.: Ага, хорошо.

Б.Г.: Да. После смерти Хинчина его статьи педагогические были разбросаны по ряду журналов. Мне казалось, что они представляют большой интерес для всех преподавателей, не только для математиков, и поэтому мне казалось, что их следует собрать воедино и издать. Это мне удалось осуществить в шестьдесят третьем году. Причем мне удалось найти несколько статей его, ранее не публиковавшихся. В частности, большая его статья была мной найдена о воспитании на уроках математики. Интересные и глубокие мысли были высказаны, и мне казалось преступлением, найдя такую статью, не опубликовать ее. Эта книжка педагогических работ Хинчина в настоящее время стала библиографической редкостью, и мне показалось, что назрела пора вновь ее переиздать, потому что книжка действительно получилась очень хорошей: там много мыслей, созвучных нашей эпохе, много педагогических идей, которые только теперь начинают получать поддержку в ряде кругов.

Мне Хинчин рассказывал, что, когда он был студентом университета, он во время летних каникул в небольшом заводском поселке, в котором жили его родители, организовал театр, где артистами были рабочие этого завода.

В.Д.: Это еще до революции?

Б.Г.: Еще до революции, перед революцией, да. Организовывались даже платные выступления этого коллектива. Причем выручку, по предложению Хинчина, тратили на то, чтобы приехать в Москву на театральные представления. Всем коллективом приезжали в Москву, ходили на театральные представления, затем опять возвращались к себе.

В.Д.: Это в Иваново-Вознесенске?

Б.Г.: Нет, это в Калужской области.

В.Д.: Какой город?

Б.Г.: Это вблизи от Алексина. Там бумажная фабрика, где отец работал инженером, отец Хинчина.

В.Д.: Отец Хинчина работал инженером на бумажной фабрике в Алексине?

Б.Г.: Да. Нет, не в Алексине, это в районе Алексина. Мне нужно просто найти и посмотреть, я позабыл уже сейчас.

В.Д.: Ну, хорошо. Алексин — известный город.

Б.Г.: Да. Хинчин очень любил поэзию, очень любил прозу, читал много и всегда доходил до существа дела. Очень любил Болеслава Пруса из новых писателей. Некоторые его литературные увлечения мне казались какими-то странными, ибо до меня не доходили.

В.Д.: Ну, например?

Б.Г.: Вот, например, Болеслав Прус.

В.Д.: Польский.

Б.Г.: Он очень ценил его, польский писатель. Я как-то такой первоклассности...

В.Д.: Не Пруст, а Прус, польский писатель.

Б.Г.: Я и не говорю — Пруст. Прус.

В.Д.: Да-да, я сначала так запоминал.

Б.Г.: Да, да. Я не нахожу в этом писателе чего-то чрезвычайно большого.

В.Д.: Да, согласен с вами.

Б.Г.: Не первоклассный писатель.

В.Д.: А он читал его по-русски?

Б.Г.: По-русски, да. Хинчин абсолютно свободно владел немецким языком, немецкий язык был для него вторым родным языком.

В.Д.: Просто кто-нибудь в семье был?

Б.Г.: Да, это мать его была такого литовско-немецкого происхождения.

В.Д.: А литовского, польского он не знал?

Б.Г.: Литовского, польского он не знал, нет. Он свободно говорил по-французски, читал по-английски, но немецкий язык был во всех его тонкостях известен ему. И вот, несмотря на хорошее знание ряда языков, он все-таки считал, что в лекциях засорять...

В.Д.: ...иностранными словами...

Б.Г.: ...иностранными словами без нужды нашу речь нельзя.

В.Д.: Так. Ну, а вот мне еще интересно, так, специально: вы говорили, что очень любил поэзию, — кого же именно?

Б.Г.: Пожалуй, больше всего он любил Блока, до конца своих дней.

В.Д.: Ну, ведь это поколение, так сказать...

Б.Г.: Да, оно воспитывалось на Блоке.

В.Д.: Да. Он девяносто четвертого — значит, как раз воспринял Блока в юношестве.

Б.Г.: Да.

В.Д.: Блок начал печататься в начале девятисотых годов.

Б.Г.: Да-да-да, и на молодежь того времени он ведь очень сильно действовал, он был кумиром молодежи.

В.Д.: Так, а из классиков он кого больше любил, Пушкина или Лермонтова, не знаете?

Б.Г.: Пушкина больше любил. Пушкина ценил не только за музыку языка, но он считал Пушкина очень зрелым человеком, глубоко...

В.Д.: ...мыслящим.

Б.Г.: ...мыслящим. Несомненно, что Лермонтов, если бы он жил даже столько, сколько Пушкин...

В.Д.: Все-таки он на десять лет меньше жил.

Б.Г.: ...а он на десять лет жил меньше — конечно, он тоже пошел бы дальше.

В.Д.: Да, сравнивать можно силу Лермонтова с Пушкиным до «Полтавы» примерно.

Б.Г.: Да, примерно так, примерно так.

В.Д.: И первые главы «Онегина».

Б.Г.: Да.

В.Д.: До Болдинской осени, еще раньше.

Б.Г.: Да, да. Оба — это потеря совершенная.

В.Д.: Так, ну, а из современных вообще кого?

Б.Г.: Маяковского.

В.Д.: Маяковского любил?

Б.Г.: Любил очень Маяковского, очень любил Маяковского.

В.Д.: И знал?

Б.Г.: И знал.

В.Д.: Читал когда-нибудь?

Б.Г.: Он не только читал его, но он был одним из членов «Желтой кофты».

В.Д.: То есть что значит — членов «Желтой кофты»?

Б.Г.: Ну, это содружество такое поэтическое было.

В.Д.: Нет-нет, содружества такого не было.

Б.Г.: А как оно называлось?

В.Д.: Ну, было вообще — футуристы — «Гилея», «Леф»... и много. Желтую кофту носил Маяковский, и был один сборничек его личный, который так и не вышел, под таким названием.

Но он вообще, так сказать, был близок к левой поэзии?

Б.Г.: Он был близок к левой поэзии, он вместе с Маяковским ряд лет участвовал вот в этих собраниях...

В.Д.: В выступлениях?

Б.Г.: Не в выступлениях, а в собраниях такой молодежи поэтической, в которой Маяковский играл активную роль, — так по рассказу Хинчина.

В.Д.: Ну, тут не... или уже в более позднем... Ну, вообще, какие годы?

Б.Г.: Это были первые годы революции.

В.Д.: Первые годы революции. Ну, тогда, собственно, основная молодежь, перед которой выступал Маяковский, был Вхутемас. Он с Вхутемасом связи не имел никакой?

Б.Г.: Боюсь сейчас сказать, боюсь сказать.

В.Д.: Не знаете.

Б.Г.: Да, не знаю.

В.Д.: Так, ну, во всяком случае как читатель он Маяковского, так сказать...

Б.Г.: Как читатель, но он лично встречался с Маяковским...

В.Д.: Да, вот интересно было бы записать.

Б.Г.: ...в предреволюционные годы...

В.Д.: Даже в предреволюционные?

Б.Г.: И даже в предреволюционные годы.

В.Д.: То есть он как раз его сверстник, на год моложе.

Б.Г.: Да, да-да-да-да-да.

В.Д.: Так что он мог встречаться, конечно.

Б.Г.: В одном литературном объединении они и были.

В.Д.: Нет, в литературном объединении — нет, потому что такого объединения не было.

Б.Г.: Вы лучше знаете.

В.Д.: Ну, это не столь важно, где он встречался, но, во всяком случае, встречался. А акмеисты прошли мимо него, вероятно? Гумилев, Ахматова...

Б.Г.: Мимо совершенно, это его как-то не затронуло. Никогда в наших разговорах...

В.Д.: Так и должно быть. Значит, Пушкин и Маяковский.

Б.Г.: Да.

В.Д.: Вот. А вам не приходилось слышать, как он читал стихи?

Б.Г.: Хинчина?

В.Д.: Нет, сам, как сам...

Б.Г.: Сам Маяковский?

В.Д.: Нет. Как Хинчин читал вообще какие-нибудь стихи.

Б.Г.: Он старался не читать стихи.

В.Д.: Это, может быть, как раз такая *puderie* возможная.

Б.Г.: Возможно.

В.Д.: Возможно. Это как раз может говорить именно о большой любви к стихам.

Б.Г.: Да. Он не любил читать при других стихи.

В.Д.: А со своими, конечно, никогда не выступал?

Б.Г.: Никогда, никогда.

В.Д.: Никогда не выступал и, выпустив четыре книжки, никогда об этом не упоминал.

Б.Г.: Никогда. И он был очень недоволен, когда я принес ему одну из этих книжек и показал.

В.Д.: Ну, это как раз делает ему честь, потому что в юности *все* пишут стихи, и некоторые потом носятся с этим, когда уже ясно, что из этого ничего не выйдет. Он перешел на другую сторону, и, может быть, фраза — кого? — Блока: «найдите свой путь» — можно ее истолковать и как «найдите свой путь в поэзии», и «найдите, чем бы заниматься», что, может быть, это не то, к чему вы призваны, и что стихов вам писать не нужно. Вероятней всего, он так и говорил.

Б.Г.: Нет, так, судя по всему, мог бы из него поэт получиться, но все-таки, когда сам Хинчин стал ученым, он увидел, что значит сделать нечто свое, и увидел, что его стихи, конечно, — это отраженный свет: не он излучает свет, а отражает свет.

В.Д.: Да, а мой брат стал математиком, пытался и то и другое, и не вышло ни то, ни другое*.

* Владислав Дувакин до того, как стал студентом-математиком, в 1926 году учился в Высшем литературно-художественном институте имени В.Я. Брюсова: потом он всю жизнь писал стихи, но так и не смог проявить себя на поэтическом поприще. Во время обучения в МГУ считался очень многообещающим студентом, но не смог достигнуть заметных успехов и в науке.

Б.Г.: Так часто случается.

В.Д.: Так часто случается.

О Брюсове, вероятно, он отзывался не очень хорошо, если так. То есть почтительно, но...

Б.Г.: Почтительно, почтительно. Я даже не помню, о ком из поэтов он непочтительно отзывался: он либо старался не говорить...

В.Д.: Ага.

Б.Г.: ...либо восторженно говорил о Маяковском как о крупном явлении нашего времени.

В.Д.: Вот уже в начале революции.

Ну, а в начале революции в этих литературных кабачках он не бывал?

Б.Г.: По-видимому, бывал.

В.Д.: «Стойло Пегаса», «Кафе поэтов», «Привал комедиантов»...

Б.Г.: По-видимому, бывал, но он ведь очень был скуп на воспоминания, чрезвычайно скуп.

В.Д.: И вообще был человек сдержанный?

Б.Г.: Он был очень замкнутым, и вот все удивлялись, что появилась у него вот эта дружба, одна-единственная, — это со мной.

В.Д.: Ага.

Б.Г.: Да. Он почти ни с кем не встречался, ни у кого не бывал.

В.Д.: Со Смирновым он разве не дружил?

Б.Г.: Почти не встречались, почти не встречались, в домашней обстановке почти не встречались. Очень редко с Колмогоровым встречался, чрезвычайно редко. Колмогоров к нему заходил, но это было раз — два раза в год, а так он обычно никого не принимал у себя.

В.Д.: А у Павла Сергеевича бывал?

Б.Г.: Последние годы — я не помню.

Он был живым, общительным человеком. Вот в Иваново-Вознесенске — там воспоминания, что он был одним из самых серьезных заводил среди молодежи научной: организовывал ночные прогулки, прыганье через костер.

В.Д.: Еще возвращаясь к литературе немножечко, а так вот вы не помните каких-нибудь имен литераторов, поэтов, которые бы около него вращались, или он был вне этого?

Б.Г.: Вне этого, в последние годы он был вне этого.

В.Д.: Нет, ну, в последние-то — конечно.

Б.Г.: Первые годы — тоже вне, тоже вне.

В.Д.: Хотя в первые годы вы его...

Б.Г.: Я лично-то его не знал тогда еще, да. Но он говорил, что он участвовал в ночных похождениях Маяковского, когда...

В.Д.: Может быть, он бывал в «Кафе поэтов»?

Б.Г.: Возможно, возможно.

В.Д.: Это семнадцатый год.

Б.Г.: Вот, возможно.

В.Д.: В «Привале комедиантов» — это двадцатый год. Так, это уже интересно.

Б.Г.: Потом он уже, когда вот нашел себя в математике, он отошел вот.

В.Д.: Но все-таки выпустил четыре сборника стихов. Ну, очевидно, совершенно эпигонских, любительских. Под Бальмонта, вы сказали, так?

Б.Г.: Ну, многие были бы рады такие стихи иметь, но во всяком случае...

В.Д.: ...он им не придавал серьезного значения и от этого отказался; это делает ему честь.

Б.Г.: Отказался, да, да.

В.Д.: А как его театральные интересы?

Б.Г.: Он любил драму, драматический театр, но последние вот десять лет он практически в театрах не бывал.

В.Д.: Значит, Мейерхольда он не знал?

Б.Г.: Знал и любил Мейерхольда. Сейчас я вам скажу, когда он практически прекратил ходить в театр. Это вот так около тридцать седьмого года.

В.Д.: Ну, тогда уже и смотреть было нечего.

Б.Г.: После тридцать седьмого года он практически не ходил.

В.Д.: Это правильно.

Б.Г.: А Мейерхольда он знал, очень ценил как талантливого постановщика. Очень любил Булгакова «Дни Турбиных».

В.Д.: Ну, это уже совсем из другой оперы, это в Художественном театре.

Б.Г.: В Художественном театре, просто прыгаю, поскольку так сразу, да...

В.Д.: Понятно, понятно. А у Мейерхольда, не помните, что он видел, не знаете случайно?

Б.Г.: Не помню, сейчас вот не помню. Как раз Мейерхольд меня почему-то в ту пору не интересовал совершенно.

В.Д.: Понятно.

Б.Г.: Для меня слишком новаторство было и...

В.Д.: Ну, и потом он кончился в тридцать восьмом году.

Б.Г.: Я с тридцать четвертого года смотрел Мейерхольда и как-то не мог приноровиться к этим...

В.Д.: Вы «Даму с камелиями» не видели — ни он, ни вы?

Б.Г.: Я не видел.

В.Д.: Собственно, последний, в сущности, спектакль, новая, так сказать, постановка. Значит, и с ним лично не встречался, не знаете?

Б.Г.: Это не знаю. Мог встречаться, потому что его сестра художник, и она писала декорации кое-какие, так что она, по-моему, была даже лично с Мейерхольдом знакома, и поэтому, естественно, и он мог встречаться с ним.

В.Д.: Ну, а пережил он и вы, так сказать, есениниану? Такое повальное увлечение Есениным было у молодежи. Хотя нет, он уже был взрослый.

Б.Г.: Он — нет, он не увлекался Есениным, он никогда мне не говорил об увлечениях Есениным. Он очень осуждающе относился к тому, что несомненный талант (он Есенина считал крупным поэтическим талантом), — но погубил себя этим необузданным пьянством.

В.Д.: Да, Есенин... Ну, господи, ведь, к сожалению, в советской литературе (*смеясь*) это не один Есенин, да?

Б.Г.: К сожалению, так.

О «смерти» Н.А. Власова и женитьбе А.Я. Хинчина

Б.Г.: В Иваново-Вознесенске ряд историй очень забавных я слышал о Хинчине.

В.Д.: Пожалуйста.

Б.Г.: Две истории я расскажу. Одно время он жил вместе со своим приятелем еще по Московскому университету, механиком, Власовым Николаем Алексеевичем в одной квартире. И вот Власов любил поспать, рано подниматься не любил. Однажды где-то к концу учебного года — Власов мне рассказывал как раз — ранним утром раздается стук в дверь. Оба они еще спали. Хинчин подошел к двери — спрашивают Власова. «Его нет!» — это Хинчин отвечает. Через полчаса — вновь стук. Опять отвечает Хинчин, что его нет.

В.Д.: А тот спит.

Б.Г.: А тот спит. Этого тоже поднимают. Третий раз стучат. Наконец: «Сколько вам раз говорить, его нет, он умер!» (*Дувакин усмехается*) — Хинчин отвечает, да. Какая-то очень экспансивная студентка, оказывается, стучала, и она немедленно, услышав, что Власов умер, побежала в институт Политехнический...

В.Д.: ...и это раззвонила.

Б.Г.: ...и раззвонила, что Власов умер. Более того, она сумела добиться, что на лестнице в вестибюле...

В.Д.: Траурную доску повесили.

Б.Г.: ...траурное объявление было вывешено, да, что вот в такое-то время состоится траурный митинг. А где-то около часа или двух Власов должен был читать лекцию. Он всегда одевался с иголки, с тросточкой ходил. Входит. «Кто ж это скончался? (*Дувакин усмехается.*) Власов?» А в это время секретарь учебной части спускалась с лестницы, и около дверей видит самого Власова (*Дувакин смеется*), читающего это объявление. Падает в обморок. (*Смеется.*) В результате Власов как галантный человек помог ее довести до стула, усадили в кресло, приводил в чувство. Вот такой эпизод был.

Потом Власов рассказывал еще историю женитьбы.

В.Д.: Чьей?

Б.Г.: Хинчина.

В.Д.: Ага.

Б.Г.: Да. Еще все они были молоды, приемные экзамены, страшно скучно...

В.Д.: Да...

Б.Г.: Ну, это уж не обязательно, наверное, даже записывать. Правда, все эти истории потом забудутся.

В.Д.: Как раз это интересно.

Б.Г.: Да. Страшно скучно и нудно. Хинчин был председателем экзаменационной комиссии по математике.

” И определили таким образом, кто кого экзаменует: там математик Депутатов был — экзаменует девушек только русых, а Хинчин экзаменует только девушек с длинными косами, с темными длинными косами, да, да.

И вот Хинчин запоздал на начало экзамена. Смотрит — на лестнице стоит девушка с длинными темными косами и плачет. Он — к ней. «В чем дело? Почему вы плачете? Что случилось?» — «Провалила математику». — «Это не может быть, это недоразумение. Идемте в аудиторию». Да. Вновь принимает, та уже сдает экзамены ему, и потом она через некоторое время становится его женой.

В.Д. (*смеясь*): А-а-а! Это чудно.

Б.Г.: Да.

В.Д.: Ну, а все-таки математик-то из нее получился или нет?

Б.Г.: Нет, математика не получилось, это педагогический институт был. И преподаватель не получился. Я был знаком с ней, и потом как-то, вот будучи у них одним вечером, рассказал эту историю. Они оба мило посмеялись над всем над этим, сказали, что там есть и правда, и немножечко переиначено, потому что в самом деле такая история была, но знаком он был с ней раньше, он был знаком с отцом ее, врачом, и бывал у них часто дома, — но что такая история была действительно.

В.Д.: Значит, он встретил все-таки знакомую девушку.

Б.Г.: Знакомую девушку, не просто девушку.

В.Д.: Не просто за темные волосы.

Б.Г.: Да-да-да, да.

В.Д.: Ну, очень хорошая история.

Б.Г.: Хорошая история, да.

В.Д.: И что — у него был хороший брак потом, да?

Б.Г.: Они очень дружно жили все время, очень дружно.

В.Д.: Семья была, дети?

Б.Г.: Нет, детей не было у него.

В.Д.: Хорошо. Театр, литература. Ну, вот мы, собственно, с Хинчиным закончили, или еще хотите что-нибудь сказать?

Б.Г.: Да нет, сейчас пока ничего не вспоминается такого стоящего.

В.Д.: Ну, подумаем, о ком, значит, вы будете рассказывать в дальнейшем. Значит, у вас намечен кто еще?

Б.Г.: Ну, о Колмогорове, конечно, нужно рассказать как о человеке, безусловно, очень крупном, одном из самых крупных все-таки математиков не только Московского университета, но вообще советских математиков, о нем *нужно* рассказать.

О Д.Е. Меньшове

В.Д.: Чуть-чуть громче. О Колмогорове. Ну, еще о том поколении — кого вы еще застали? Как вы, между прочим, самого Меньшова расцениваете? Милый очень человек.

Б.Г.: Изумительный человек. Я к нему отношусь с пиететом, с одной стороны, и, с другой стороны, — с большой любовью. Это человек исключительной честности, человек, который ничего для себя не требует...

В.Д.: Да.

Б.Г.: ...и всего от себя требует — и в науке, и в жизни. Тоже очень любопытная личность. Я счастлив, что я знаком с ним.

В.Д.: До сих пор все там же живет.

Б.Г.: До сих пор все там же живет, и он почти не меняется. Ему ведь уже больше восьмидесяти лет.

В.Д.: На четвертый этаж без лифта подымается, ходит гулять.

Б.Г.: Да. Он прекрасный теннисист был.

В.Д.: Теннисист?

Б.Г.: Да, да. Играет ли он теперь в теннис, не знаю.

В.Д.: Не помню, кто его мне посоветовал, и я с большим удовольствием...

Б.Г.: А Меньшов тоже работал в Иваново-Вознесенске в те годы. Тогда большая группа хороших математиков там собралась и, в сущности, большую роль сыграла и в организации Политехнического института... Ведь в Иваново-Вознесенске Политехнический институт появился таким образом: Рижский политехнический институт был эвакуирован в Москву, и стоял вопрос о роспуске его.

В.Д.: Рижский? Это после первой войны?

Б.Г.: После первой войны.

В.Д.: То есть когда отделялась Латвия или просто когда немцы заняли?

Б.Г.: Когда немцы заняли. И вот в начале революции, в восемнадцатом, что ли, году, стоял вопрос уже о том, что Рижский политехнический институт нужно распустить. Тогда Фрунзе как представитель Иванова предложил...

В.Д.: Он, по-моему, был председателем горкома в Иванове, да?

Б.Г.: Я вот не помню, кем он тогда был.

В.Д.: Ну, во всяком случае, он оттуда родом.

Б.Г.: Да, он и партийным деятелем там был, и организатором военным там был Ивановской дивизии... нет, Ивановского полка, а не дивизии, Ивановского полка, который в Чапаевской дивизии воевал. И тут на заседании Совнаркома он предложил институт перевести в Иваново, что город примет, город сделает все, чтобы институт жил.

В.Д.: Рижский.

Б.Г.: Да. И вот тогда туда рижане переехали — ну, в частности, отец Келдыша переехал туда, он же крупный специалист по бетону, отец Келдыша, — и были приглашены математики московские для работы там. Вот, в частности, Хинчин, Лузин. Хинчин там просто жил, а Лузин наездами там работал. Меншов там жил. Затем туда Федоров переехал из Москвы и окончательно там уже осел, Федоров. Затем, Депутатов там был, такой математик.

В.Д.: Так что там тогда собрался...

Б.Г.: Там собралась очень хорошая математическая группа, и довольно большие результаты. Некрасов, механик, там работал еще. И большие результаты там были получены научные. Так что атмосфера математическая и научная там была замечательная. И Хинчин уехал окончательно из Иванова уже где-то в двадцать восьмом году, окончательно порвал, в двадцать восьмом или в двадцать девятом году. А я в тридцатом году переехал в Иваново, все еще было полно воспоминаний о нем.

В.Д.: И вы в Иванове были тридцатый...

Б.Г.: ...тридцать четвертый годы, с тридцатого по тридцать четвертый год.

В.Д.: А потом поступили уже здесь вот.

Б.Г.: Потом уже я здесь работал, да. И учился, и работал.

В.Д.: Да, так что тридцатый — тридцать четвертый вы не знали Москву.

А вы... ах, да, вы же сказали, вы в Ульяновске родились.

Б.Г.: Да.

В.Д.: Вот. Ну, вот я не знаю, думаю, что сегодня, пожалуй, уже...

Б.Г.: Может быть, достаточно.

В.Д.: Да, тем более что очень цельная получилась запись. Сейчас, значит, у меня еще есть одна дорожка, вот, но вы, пожалуй, не уложите.

Б.Г.: О Колмогорове — нет.

В.Д.: О ком вы еще?

Б.Г.: Ну, может быть, тогда о нескольких лицах сразу уже, это вот на одну дорожку вполне можно уложить: это Бернштейн, Смирнов и Слуцкий.

В.Д.: Вот давайте, за сорок пять минут.

Б.Г.: Да, вполне достаточно, даже полностью не использую.

В.Д.: Давайте продолжим тогда.

Б.Г.: Вам переставлять нужно?

В.Д.: Да, тогда я переставлю. Да я думаю, что прямо просто, так сказать, отсюда...

Б.Г.: Хорошо, прервемся, да.

В.Д.: Значит, Бернштейн... Кто еще?

Б.Г.: Смирнов и Слуцкий.

В.Д.: Вот давайте об этих трех лицах.

Б.Г.: Бернштейн работал в Московском университете очень короткое время. Бернштейн сам происходит из Харькова. Он начал работать в Харьковском университете в качестве приват-доцента и до Октябрьской революции, хотя он уже был очень известным математиком, перешагнуть не мог этот барьер приват-доцентства, стать профессором не мог. И в Харькове он проработал по тридцатый год включительно, затем переехал в Ленинград, работал в Ленинграде, а затем, уже только после начала войны Великой Отечественной, он переехал в Москву. Стало быть, в сорок первом году он приехал в Москву, его сразу же математики пригласили работать в университете. Он читал отдельные лекции, специальный курс по теории марковских цепей читал. Лектор он был не ахти какой, его трудно было слушать, но математик был, в самом деле, очень хороший. И затем в сорок первом году, когда немцы приближались к Москве, он эвакуировался в Боровое в Казахстане и в сорок четвертом году вернулся в Москву. И в сорок четвертом году он вновь некоторое время работал в университете.

В.Д.: Так, это его канва.

Б.Г.: Да, это его канва.

В.Д.: Он умер?

Б.Г.: Да, он скончался в шестидесятых годах — уже сколько же ему было? За восемьдесят лет ему.

В.Д.: Уже было за восемьдесят.

Б.Г.: Да, за восемьдесят. Он терял зрение под конец, плохо видел.

В.Д.: Значит, он примерно девяностого года, да?

Б.Г.: Нет, не восьмидесятого ли он года?

В.Д.: Ах, даже так.

Б.Г.: Очевидно, восьмидесятого года он, да. Он старше всех, да-да-да. До шестидесятых — это восемьдесят с лишним лет ему было.

Бернштейн с очень большим уважением относился к московской школе теории вероятностей, но со многими направлениями в современной науке он был... ну, я не могу сказать — не согласен, но считал, что старые методы, старые идеи еще себя не исчерпали, и всячески хотел, чтобы эти классические идеи находили развитие.

К сожалению, вот короткий срок его работы в Московском университете как-то не привел к тому, что у него появились здесь ученики, а это очень бы стоило, потому что ряд его идей только теперь вошли всерьез в науку. Вот, скажем, понятие мартингала, которое и сейчас играет в теории вероятностей центральную роль, было введено именно Бернштейном, и об этом как-то никто не вспоминает.

Нередко серьезные результаты научные он писал не в основном тексте, а в примечаниях, и мне, например, читать его работы исключительно трудно, потому что как-то нет вот этой четкости изложения, которая свойственна москвичам, а бывают прыжки мысли: то об одном он говорит, то возвращается к чему-то старому — мне это просто очень сложно. И вот такая же система и устного изложения у него была.

Впервые материал был опубликован: Гнеденко Б.В. Беседа 19 июня 1976 года // Математики рассказывают. М.: «Минувшее», 2005. С.37–65.